

интригами держат ум императора как бы в тумане и отдаляют его от общения с умными людьми. В другом месте по поводу недоступности императоров Синезий желчно замечает, что они скрываются в глубине своих дворцов подобно ящерицам, убегающим от света в свои норы, чтобы люди не видели, что и они такие же люди, как и все прочие.

Не менее резко Синезий обрушивается на роскошь императора и его вельмож. Недовольный роскошью и замкнутостью императоров, Синезий возмущается и той обстановкой, в которой императоры обыкновенно появлялись перед народом. Он негодует на множество телохранителей, окружающих императора и составляющих, по его выражению, „в войске новое войско“.

Совершенно очевидно, что подобная речь могла быть произнесена перед императором только в том случае, если оратор чувствовал себя не одиноким, если он ощущал за собой поддержку влиятельной и могущественной группировки, глашатаем которой он выступал в данном случае. Несомненно, что оратор из Кирены в своей речи являлся выразителем интересов сторонников Аврелиана.

Синезий проявляет в своей речи известную дальновидность. Он как бы предвидит событие, потрясшее через десять лет всю Европу, а именно захват готами под предводительством Алариха „вечного города“ Рима и оккупацию „варварами“ западноримских провинций. Для него совершенно ясно, что рабовладельческая империя находится на краю гибели. Он подчеркивает: „Все мы теперь помещены на тончайшем острие ножа. Дело бога и императора устранить эту угрозу Римской империи, которая уже обозначилась и может проявиться во всей своей страшной силе“.

Оратор правильно определяет и причину нависшей над империей опасности. Синезий понимает, что внедрившиеся в империю вооруженные „варвары“, объединившись с восставшими рабами — такими же „варварами“, — угрожают империи и рабовладельцам настоящей катастрофой. Поэтому свою речь Синезий направляет против готов. Он восстает против заполнения римской армии „скифами“ и против допущения этих „варваров“ к военным и гражданским должностям. Поступок Феодосия I, на вербовавшего 40 тысяч готов-федератов во главе с их собственными вождями в состав армии Восточной Римской империи, Синезий считает в высшей степени неосмотрительным. Включать „варваров“ в войско, допускать их к государственным должностям, по мнению Синезия, все равно, что помещать хищных волков в стадо овец.

Ссылаясь на исторические примеры, оратор угрожает своим слушателям возмущением рабов; со страхом вспоминает он о восстании рабов под руководством Крикса и Спартака. В своей речи он выступает откровенным защитником рабовладельцев. Подобно Платону и Аристотелю, Синезий не сомневается в том, что сама природа создала „варваров“ рабами римлян и греков. Он считает рабов особой породой людей, предназначенной к подчинению, рассматривает их как часть имущества, как своеобразный источник материальных благ для лиц, создающих высшие ценности. У него нет и тени сомнения в справедливости рабства. Он только удивляется, как в Римской империи „скифы“ могут быть одновременно рабами частных лиц и господами государства.

Синезий требует, чтобы „варвары“ были лишены права занимать высшие правительственные должности. По мнению Синезия, их следует отстранить от военной и гражданской службы, силой римского оружия изгнать их из пределов империи или же, разоружив, заставить